

— Уван, я хочу, чтобы ты обнял меня и уложил спать.

Произнеся это, Цзян Нин с жалостливым выражением на лице захлопала большими глазами, выглядя невероятно мило.

Уван же тут же отвел взгляд и закрыл глаза, принявшись читать сутры, пытаясь с их помощью умирить бурю в сердце, вызванную словами Цзян Нин.

Не дождавшись ответа, Цзян Нин с недовольным ворчанием натянула туфли, слезла с кровати и в несколько шагов приблизилась к Увану.

Однако, не успела она даже коснуться его, как наткнулась на невидимый барьер.

Цзян Нин широко раскрыла глаза, и в ее темных, словно бусины, зрачках застыло крайнее недоумение.

Они же только что вместе вернулись, а теперь он делает вид, что они едва знакомы? Даже прислониться к нему не позволяет!

Надувшись, Цзян Нин присела на корточки и принялась обиженно разглядывать Увана, но тот упорно держал глаза закрытыми, так что ее унылого выражения лица все равно не видел.

— Уван, что с тобой опять? — Цзян Нин подперла подбородок рукой, а от злости ее губы вытянулись в преувеличенно надутый бантик.

Уван по-прежнему хранил молчание.

— Ты злишься из-за того, что я помешала тебе преследовать ту Белую лису?

Поразмыслив так и эдак, Цзян Нин пришла к выводу, что отношение Увана переменилось как раз с того самого момента — он внезапно перестал обращать на нее внимание.

Уван продолжал молчать.

Иногда Цзян Нин казалось, что этот Уван — настоящая деревяшка, скучная и невыносимая.

Просто невыносимо терпеть его скверный характер.

— Чем я тебя опять обидела? Еще недавно ведь все было хорошо, а теперь ты со мной не разговариваешь?

Ради задания Цзян Нин решила стерпеть: не снесешь малого — нарушишь великий замысел.

Уван наконец соизволил отреагировать.

Правда, сказанное им озадачило Цзян Нин, заставив на мгновение растеряться.

Уван тихо произнес:

— А ты?

Цзян Нин:

— Я? Что я?

Уван наконец соизволил открыть глаза и просто смотрел на Цзян Нин, ничего не добавляя.

Цзян Нин поскребла в затылке, ломая голову, но никак не могла взять в толк, что означают его слова.

А она? Что она? Выражался бы яснее!

Уван слегка опустил взгляд, перебирая в руке буддийские чётки.

(Есть ли у тебя тот, кого ты искренне любишь?)

(Столь же ли долговечны твои чувства, как ты утверждаешь?)

(Срок жизни простых смертных — всего несколько десятков лет, откуда же взяться вечности из жизни в жизнь?)

Голос в голове Увана неистово кричал, непрерывно задавая один вопрос за другим, но с его губ не слетело ни единого слова.

Жизнь демонов длится слишком долго, и человеческая жизнь для них — лишь мгновение ока.

Он давно отрекся от мира, порвав все связи с мирской суетой, и не должен позволять мирским узам опутывать себя вновь.

Пожалуй, ему следовало бы отбросить все привязанности и страсти, всецело обратившись к Будде в поисках душевного покоя и освобождения.

И все же судьба, казалось, неизменно забавлялась над людьми...

Он посвятил себя истреблению демонов, дав оберегать покой этого мира.

А в итоге позволил какой-то чистой душой Малому демону соблазнить свое сердце.

Малый демон лишь недавно обрел разум и сознание, она не ведает, что такое добро и зло, и уж тем более ничего не смыслит в любовной страсти.

Ему следовало бы наставлять ее, вести по пути Будды к добру, а не тешить себя безумными мечтами о супружестве с ней.

Разве может скромный служитель буддийской обители брать жену?

Цзян Нин видела, как лицо Увана становится все холоднее, а невидимый барьер по-прежнему разделял их, не позволяя ей даже приблизиться к нему.

— Уван, раз уж ты не хочешь со мной разговаривать, я не стану тебе докучать.

Поняв, что какими бы ни были ее слова, Уван не собирается смотреть на нее с лаской, Цзян Нин сдалась, вернулась к постели и легла.

На этот раз она не стала вопить, что не может уснуть и требует объятий Увана.

— Какая же ты тупица! Хочешь взять в жены — сними монашеские одежды и вернись в мир!

Голос в голове Увана снова вырвался на свободу, не в силах сдержаться, и отвесил ему

колкость.

— Ты всего лишь принял монашеский обет, никто не заставлял тебя оставаться там до конца дней! Нужно уметь приспосабливаться к обстоятельствам, не хочешь оставаться — уходи! К тому же ты в совершенстве овладел боевыми искусствами, чтобы спасти простолюдинов, вовсе необязательно носить звание монаха.

Голос в его голове продолжал ворчать, но на этот раз эти речи почему-то не вызывали у Увана раздражения.

— Повторяю еще раз: любишь — действуй, а если случится беда, я прикрою.

— Прикроешь? От тебя осталась лишь горстка блуждающих теней, прячущихся в моих чётках, как ты меня прикроешь?

Уван все же не выдержал и мысленно огрызнулся.

— Не твое дело! Во всяком случае, я точно сумею тебе помочь.

— С твоим-то скверным нравом ты еще о женитьбе помышляешь? Этот Дух лотоса рано или поздно не выдержит твоего характера и бросит тебя.

Уван с силой перекрутил буддийские чётки, и голос в голове постепенно стих.

В сердце же эхом отдавалась фраза: Рано или поздно бросит тебя.

Душа Увана никак не могла обрести покой.

Цзян Нин тоже не спалось. Ворочаясь с боку на бок, она ломала голову над вопросом, который задал ей Уван.

Что же он все-таки имел в виду?!

Как ни старалась Цзян Нин, ответа она найти не могла.

В комнате раздавалось лишь шуршание простыней, когда чтение сутр внезапно прекратилось.

— Уван, почему ты перестал читать?

Заметив это, Цзян Нин отбросила пустые мысли, обняла одеяло и, взглянув на Увана, подала голос:

— На душе беспокойно.

— Плохое настроение?

Цзян Нин откинула одеяло, приподнялась и уселась на кровати, не сводя с него глаз.

В комнате горели свечи, так что она прекрасно видела Увана.

Лицо его по-прежнему оставалось холодным и отстраненным.

Уван поднялся с циновки и направился к ее постели.

Цзян Нин вдруг почувствовала легкое напряжение: выражение лица Увана было до того

ледяным, что у нее в груди тревожно заколотилось сердце.

— Почему не спишь?

Уван присел рядом с Цзян Нин, их взгляды встретились.

— Я... я все думала над твоим вопросом.

Цзян Нин честно призналась, что не дает ей покоя.

Она хотела, чтобы Уван, подобно ей, не держал все в себе, заставляя окружающих гадать — это жутко раздражало.

— Над каким вопросом?

— Ну, когда ты спросил: А ты?

— Это не имеет особого значения, спи.

Цзян Нин послушно кивнула и легла обратно.

— Уван, может, ляжешь со мной?

Цзян Нин подложила ладонь под голову, в ее глазах не было и тени лукавства.

Приглашение прозвучало буднично и просто.

— Почему тебе захотелось лечь со мной?

Цзян Нин заметила, что Уван задает слишком много вопросов, но, в отличие от него, она не собиралась уходить от ответов.

Напротив, она всерьез задумалась и лишь затем ответила:

— Потому что мне хочется спать рядом с тобой, и твой запах мне очень нравится.

Эти слова Цзян Нин произнесла от всего сердца: чистая аура Увана была настолько притягательной, что от одного ее аромата у нее прибавлялось сил.

— Хорошо, тогда я лягу с тобой.

Едва Уван договорил, как Цзян Нин ощутила тяжесть чужого тела, а в следующее мгновение сильная рука надежно зафиксировала ее затылок.

В тот же миг, окутанная волной обжигающего жара, его горячие губы решительно прижались к ее губам.

Это был поцелуй, сдерживать который больше не было сил — страстный, переполненный глубоким чувством.

Родная аура Увана полностью окружила ее, а приоткрытый от изумления рот Цзян Нин предоставил ему возможность беспрепятственно проникнуть внутрь.

От начала и до конца этот поцелуй не был поверхностным.

Стоит какому-то чувству слишком долго подавляться, как в назначенный час оно перебродит и вырвется наружу неудержимым потоком.

Уван продолжал целовать ее, крепко придерживая за голову. Поцелуй оказался тяжелым, молчаливым и неистовым.

Сначала Цзян Нин широко открывала глаза, но бурные ощущения начали ее одолевать, дыхание сбилось, и она в растерянности вцепилась пальцами в одежду Увана.

Из уголка ее рта вырвался сдавленный стон, ресницы затрепетали, и лишь после этого она закрыла глаза.

Когда она открыла их вновь, причиной тому стало головокружение от нехватки воздуха.

Наконец напор поцелуя начал спадать. Уван слегка отстранился, а Цзян Нин, хлопая затуманенными глазами, тяжело дышала.

Еще не до конца придя в себя, она растерянно смотрела на него.

Гортань Увана судорожно дерзнула.

Такая Цзян Нин была прекрасна и до безумия соблазнительна...

— Уван! Как ты мог меня поцеловать, это же неправильно!

— Почему? — Уван отстранился, ослабляя хватку.

Цзян Нин быстро подскочила, поправляя одежду:

— Просто нельзя, и все.

— Не понравилось?

Уван перехватил руку Цзян Нин, притянул ее к себе и крепко обнял.

— Сопровотяляешься?

Уткнувшись лбом в ее плечо, Уван высоким прямым носом толкался в ее кожу.

— Хочешь, я вернусь в мир и женюсь на тебе?

Голос Увана звучал тихо, но Цзян Нин расслышала каждое слово.

Все это время ее руки надежно защищали грудь, но при услышанном сердце в груди бешено заколотилось.

Не веря своим ушам, она подняла на него взгляд.

— Ты...

Цзян Нин не успела договорить, как ее губы вновь были накрыты поцелуем.

Следовал еще один долгий, глубокий поцелуй, не оставляющий ей возможности возразить.

— Не отталкивай меня.

— Не думай о том, чтобы сбежать.

— Не бойся меня.

Он крепко прижимал ее к груди, и стоило ей попытаться отпрянуть хоть на шаг, как объятия становились лишь туже.

Цзян Нин оставалось лишь смириться, позволяя ему держать себя в объятиях.

В голове Цзян Нин царил полный кавардак, ей требовалось время, чтобы все обдумать.

Монах, всегда не ведавший желаний, с каких пор воспылал к ней подобной страстью?

Поддавшись чувствам и породив страсть, он чуть не нарушил обеты, а теперь и вовсе собрался вернуться в мир... чтобы жениться на ней.

Цзян Нин сполна довелось убедиться в упрямстве Увана в некоторых вопросах. Казалось, он действительно принял твердое решение снять монашеские одежды и жениться на ней.

Но, уходя из дома, он больше не брал Цзян Нин с собой — напротив, наложил на нее буддийское заклятие и запер.

Уван уже говорил ей, что, как только он разберется с беспорядками, устроенными демонами в Юнчэне, он уведет ее обратно в храм Душуй и расскажет о своих чувствах наставнику.

Цзян Нин никак не ожидала, что вечно сдержанный и скрытный Уван вдруг решит применить к ней столь жесткие меры.

Поразмыслив над этим, Цзян Нин осознала, что ее связь с Уваном не только не помешает выполнению ее задания, но, пожалуй, даже поспособствует его успешному завершению.

Судя по тому, как сильно он был одержим ею, после свадьбы он наверняка во всем станет ее слушать.

К тому же, раз Уван вернется к мирской жизни и перестанет быть буддийским учеником, неужели он все еще станет преследовать Дань Юнь, пытаясь ее убить?

Как только Цзян Нин всё это обдумала, она перестала так сильно сопротивляться — впрочем, она изначально не особо-то и противилась, просто ее разум не сразу сообразил, к чему всё идет.

Лже-чистый дух лотоса, обманутый монахом и превращенный в жену (часть пятнадцатая)

— Эй, дух лотоса, помощь нужна?

Цзян Нин сидела у окна и со скучающим видом витала в облаках, как вдруг с карниза крыши светился ярко-красный хвост и у самого уха раздался знакомый голос.

Следом Цзян Нин увидела уже знакомую лису, которая спрыгнула с крыши, приблизилась к подоконнику и замерла нос к носу с ней, глядя прямо ей в глаза. Кончики ушей этой лисицы всё ещё подрагивали.

— Хун Лин.

Цзян Нин радостно окликнула её. Уван продержал её взаперти уже два дня, она умирала от скуки и даже успела соскучиться по тем временам, когда Хун Лин брала её с собой бегать и культивировать в горах.

— Если бы я знала заранее, что этот паршивый монах запрёт тебя, ни за что не отпустила бы сюда. Тц-тц-тц, посмотри на себя, ну прямо несчастная сиротка. Жди, я сейчас же разрушу это проклятие и выпущу тебя.

— Ой, стой, не надо...

Слова Цзян Нин оборвались на полуслове, потому что нетерпеливая Хун Лин уже применила заклинание, чтобы сокрушить буддийские чётки, поставленные Уваном.

— Кончено, тебе конец!

Цзян Нин посмотрела на Хун Лин, мысленно сочувствуя ей.

— Чего бояться, подумаешь, паршивый монах! Идем, я увожу тебя.

Хун Лин обвила хвостом талию Цзян Нин и увлекла её за собой, покидая эту комнату.

Цзян Нин даже боялась представить, сильно ли разозлится Уван, когда вернется и обнаружит её пропажу.

— Сяо Лин? Как это ты привела госпожу Цзян?

Дань Юнь как раз принимала гостей в своей лавке румян, как вдруг увидела, что к ней во внутренний двор влетела вспышка алого света. Проводив гостей и зайдя в комнату в заднем дворе, Дань Юнь увидела сцепившихся в схватке Цзян Нин и Хун Лин.

Обе вовсю дрались, ни одна не желала уступить другой.

Дань Юнь стояла на месте, не зная, кому помочь, поскольку понятия не имела, из-за чего они вообще затеяли драку.

Причина же заключалась в том, что Цзян Нин наотрез отказывалась уходить вместе с Хун Лин, а та настаивала на своём.

В итоге, не желая идти на уступки, они сошлись в поединке.

Одна дёргала другую за волосы, та в ответ её щипала.

Обе проявили сознательность и не стали использовать духовную силу, сражаясь словно малые дети.

— Сестрица Дань Юнь, Хун Лин обижает меня!

Хун Лин повела себя нечестно: мало того что полезла драться, так еще и схватила её за волосы. Заметив Дань Юнь, Цзян Нин словно увидела спасительницу. В мгновение ока на её глазах навернулись слёзы, она вырвалась из хватки Хун Лин и, петляя, побежала прятаться за спину Дань Юнь.

— Ах ты, душенька-Дух лотоса, перекадываешь вину с больной головы на здоровую! Ты сама первая меня пнула, я лишь ответила!

Хун Лин, жутко недовольная, уперла руки в бока и яростно уставилась на Цзян Нин.

— Ну хватай, вам обеим, перестаньте ссориться.

Дань Юнь не смела встать ни на чью сторону, оказавшись меж двух огней и пытаясь сыграть роль миротворца.

Цзян Нин и Хун Лин синхронно фыркнули и отвернулись в противоположные стороны.

Дань Юнь молча приложила руку ко лбу.

— Госпожа Цзян, как вы оказались у меня? А где тот монах?

Взяв Цзян Нин за руку, Дань Юнь прежде всего задала этот вопрос.

— Меня привела Хун Лин. Не переживайте, Увана здесь нет.

Цзян Нин испытывала к Дань Юнь большую симпатию: та была красивой, мягкой и обладала добрейшим сердцем.

Возможно, сказывалось замужество, но от неё исходила та особая материнская забота, какая бывает свойственна старшим.

Хотя Цзян Юй подумала, что такое сравнение не совсем верно — скорее, она давала ощущение теплоты и безопасности, словно родная старшая сестра.

— Малышка Лин.

Услышав это, Дань Юнь нахмурилась и предостерегающе посмотрела на Хун Лин.

— Нет, сестрица, послушай меня. Я увидела, как этот вонючий монах запер Духа лотоса и та выглядела такой жалоснейшей, поэтому и решила её увести.

Хун Лин очень боялась гнева сестрицы, но вовсе не жалела о том, что забрала Духа лотоса.

— Неужели всё так? Тот монах запер тебя?

Дань Юнь с беспокойством перевела взгляд на Цзян Нин.

Для них, демонов, лишение свободы и впрямь было страшнейшим бедствием. Цзян Нин кивнула. Хун Лин была совершенно права: её действительно заперли, но всё потому...

Уван боялся, что она сбежит, поэтому и держал взаперти.

— Цзян-гунян, я думала, тот монах не причинит тебе вреда, и только поэтому со спокойной душой отпустила тебя обратно к нему. Кто же знал, что он станет тебя запереть? Оставайся здесь. Не бойся, мы с Хун Лин защитим тебя и больше не позволим этому монаху снова тебя схватить.

Дань Юнь полностью оправдывала свою репутацию доброй тысячелетней Белой лисы.

Она так яростно защищала Цзян Нин, хотя та была такой же ётуньшей.

— Не нужно, не нужно, я не могу вас обременять. Мне нужно вернуться, а не то Уван не найдёт меня и придёт к вам с неприятностями.

Цзян Нин торопливо замахала руками.

— Тебе не стоит бояться, что ты нас обрешь. Сяо Лин говорила мне, что хочет признать тебя своей младшей сестрой. Желание Сяо Лин — естественным образом и моё желание. Сяо Нин, можно мне так тебя называть? Ты согласна стать младшей сестрой для нас обеих? Мы будем защищать тебя.

Дань Юнь улыбалась невероятно красиво, а голос её звучал так мягко и нежно.

— Можно, конечно можно, я согласна.

Стать младшей сестрой двух писанных красавиц? Цзян Нин об этом и мечтать не смела.

Вот только почему, почему Дань Юнь не хочет её выслушать?

— Хорошо, тогда с этой минуты я — твоя старшая сестра, а Сяо Лин — твоя вторая сестра.

Дань Юнь взяла Цзян Нин и Хун Лин за руки, соединив их ладони тыльной стороной.

— Отныне мы — три сестры, пойдем рука об руку, будем поддерживать друг друга, вместе делить невзгоды, и никто никого не бросит.

продолжала говорить Дань Юнь.

— Верно! Отныне мы — три сестры, разделим и радости, и горести, пройдем через любые испытания!

Хун Лин подхватила слова Дань Юнь, произнесла нечто вроде клятвы.

Цзян Нин посмотрела на Дань Юнь, затем на Хун Лин и под их полными надежды взглядами запинаясь выдавила из себя:

— Я согласна!

Простите её, она была не слишком сильна в словесности и не умела плести красивые витиеватые фразы.

Цзян Нин никак не могла взять в толк, как они умудрились так быстро дойти до братания.

— Сяо Нин, можешь спокойно оставаться здесь. Если тот монах явится за тобой, мы защитим тебя и больше не позволим ему забрать тебя обратно.

С этими словами Дань Юнь сняла с пояса нефритовый кулон и сунула его в руку Цзян Нин:

— У меня есть такое сокровище, оно способно скрыть твою демоническую ауру.

Цзян Нин зажала нефрит в руке, и её глаза от изумления расширились.

Разве это... разве это не то самое сокровище, с помощью которого Дань Юнь скрывала демоническую ауру, чтобы жить среди людей?

Не будь у неё этого артефакта, Дань Юнь пришлось бы крайне тяжело и опасно задерживаться в мире людей.

— Нет, это я взять не могу.

Цзян Нин принялась отпихиваться, наотрез отказываясь принимать подарок, тем более что ей вовсе не требовалось скрывать какую-либо демоническую ауру. У неё был низкий уровень культивации, и сил тоже было немного, так что привлечь к себе лишнее внимание ей не грозило.

А вот такая тысячелетняя ётуньша, как Дань Юнь, обладала внутренней демонической пилюлей, которую другие духи легко могли возжелать. Что, если объявится какой-нибудь демон и вздумает забрать пилюлю Дань Юнь? Что тогда делать?

— Раз старшая сестра даёт, бери. Ну же, я тоже подарю тебе артефакт. Этот маленький меч я получила, когда только-только приняла человеческий облик, он как раз тебе подойдёт, будешь защищаться.

Хун Лин тоже сотворила из воздуха изящный миниатюрный короткий меч и вложила его в руки Цзян Нин.

Эфес меча украшали сверкающие драгоценные камни, и Цзян Нин влюбилась в него с первого взгляда.

Погодите, почему они обе так добры к ней?

Ложный чистый дух лотоса очаровывает монаха и становится женой (шестнадцатая часть)

— Ну хорошо, этот меч я возьму, но вот твой Магический артефакт, старшая сестра, я действительно не могу принять. Мне от него никакой пользы, носи его сама.

— Кто сказал, что он тебе не нужен? Наденешь его, и этот монах больше не сможет выследить твоего следа!

Дань Юнь легко похлопала Цзян Нин по плечу, её лицо по-прежнему украшала мягкая улыбка.

— Я правда не могу его взять... — с кислым видом протянула Цзян Нин. — Уван обязательно придёт за мной, а мне вовсе не нужно прятать своё дыхание, чтобы он не смог меня найти. Старшая сестра, вторая сестра, вам не о чем беспокоиться, Уван не причинит мне вреда.

Цзян Нин считала, что раз они обе так хорошо к ней относятся, она ни в коем случае не должна навлечь на них беду.

Уван — упрямец каких мало — еще решит, что они с Дань Юнь в сговоре и она сбежала от него.

Тогда её ждет незавидная участь: Уван снова схватит её и запрет на замок.

Но она не могла ручаться, что Уван пощадит Дань Юнь и остальных.

— Ладно, раз ты так говоришь, я успокоюсь.

Дань Юнь пришлось вернуть Магический артефакт на место. — Но я всё равно хочу сделать тебе подарок! Раз ты отказываешься от этой волшебной вещицы, а оружие для самообороны у тебя уже есть, давай я отведу тебя выбрать румяна и пудру.

<http://bllate.org/book/22208/2315189>